

**СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Научная статья

УДК 81

Елена Алексеевна Шимко

Институт экономики и управления, Мичуринский государственный аграрный университет, Мичуринск, Россия

shimko_elena@inbox.ru

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ВОЗРАСТНОГО
ЦЕНЗА БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному изучению национально-культурной специфики возрастного ценза брачных отношений в немецкой и русской фразеологической картине мира в рамках этнолингвистического подхода, который предполагает функциональное взаимодействие как лингвистических знаний, так и культурологических, социологических, психологических. Целью исследования является рассмотрение этнолингвистической вербализации паремиологических единиц «Junge Frau und alter Mann ist ein trauriges Gespann» и «Видима беда, что у старого жена молода» в немецком и русском языках на примере данных этимологических, толковых, разговорных словарей, а также определение национально-культурных особенностей родственных языков. Для достижения указанной цели используется ряд методов: в рамках сравнительного и дефиниционного методов представлено семантическое содержание лексических

Евразийский филологический вестник. 2024. Вып. 4 (8). С. 115-126.

единиц; метод культурного контраста определил этническую специфику, а сопоставительный – сходства и различия этносов.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, фразеологическая картина мира, этнолингвистика, вербализация паремиологических единиц, лексикографические источники

Для цитирования: Шимко Е. А. Национально-культурная экспликация возрастного ценза брачных отношений в немецкой и русской фразеологической картине мира // Евразийский филологический вестник. 2024. Вып. 4 (8). С. 115–126.

COMPARATIVE STUDIES (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 81

Elena A. Shimko

Institute of Economics and Management, Michurinsk State Agrarian University,
Michurinsk, Russia

shimko_elena@inbox.ru

NATIONAL-CULTURAL EXPLICATION OF THE AGE QUALIFICATION OF MARITAL RELATIONS IN THE GERMAN AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD

Abstract. The article is devoted to the comparative study of the national-cultural specificity of the age limit of marital relations in the German and Russian phraseological picture of the world within the framework of the ethnolinguistic approach, which implies the functional interaction of both linguistic knowledge and

cultural, sociological, psychological knowledge. The aim of the study is to examine the ethnolinguistic verbalization of paremiological units «Junge Frau und alter Mann ist ein trauriges Gespann» and «It is a visible misfortune that the old wife is young» in German and Russian languages on the example of data from etymological, explanatory, colloquial dictionaries, as well as to determine the national and cultural features of related languages. In order to achieve this goal a number of methods are used: within the framework of comparative and definitional methods the semantic content of lexical units is presented; the method of cultural contrast determined ethnic specificity, and the comparative method – similarities and differences of ethnic groups.

Keywords: national-cultural specificity, phraseological picture of the world, ethnolinguistics, verbalization of paremiological units, lexicographic sources

For citation: Shimko E. A. National-cultural explication of the age qualification of marital relations in the German and Russian phraseological picture of the world // Eurasian Philological Bulletin. 2024; (8): 115–126. (In Russ.).

Введение

На современном этапе развития лингвистической мысли возникает необходимость комплексного изучения языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии в ходе исторического развития общества. Лингвисты пытаются найти объяснение тому, как формируются и передаются языковые знания [4; 6; 8; 12; 13].

Сходства и различия народов являются объектом исследования этнографии – науки о народах мира и их культуре. Со второй половины XX века особенности культуры, языка и психики стали предметом изучения отдельных наук – этносоциологии, этнолингвистики и этнопсихологии.

На наш взгляд, сложность отношения языка и культуры заключается в том, что с одной стороны, язык рассматривается как важнейший инструмент культуры, которая фиксируется и передаётся с помощью языка. С другой

стороны, язык и сам может выступать как объект культурной деятельности, и в этом качестве язык непосредственно входит в состав национальной культуры.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Рассмотрим выражение национально-культурной специфики возрастного ценза брачных отношений в немецкой и русской фразеологической картинах мира в сравнительном этнолингвистическом аспекте.

Отметим, что неравный по возрасту брак в немецкой и русской фразеологической картинах мира осуждается: «Junge Frau und alter Mann ist ein trauriges Gespann» и «Видима беда, что у старого жена молода».

Выясним состав ключевых лексем сравниваемых паремий, к которым отнесем «jung» – «молода», «alt» – «старый», «trauriges Gespann» – «беда».

Сопоставим «jung» и «молода». Обратимся к этимологии данных слов. Общегерманское прилагательное «jung» встречалось в средневерхненемецком – «junc», древневерхненемецком – «jung», готском – «juggs», английском – «young», шведском – «ung», а также в качестве субстантивированного прилагательного в латинском «iuvensus» в значении «молодой бык, молодой человек» и восходило к индоевропейскому прилагательному «*juḡen» – «молодой». Имеет соответствия в других индоевропейских языках: древнеиндийский «yúvan» – «молодой» и латинский «iunior» – «моложе». В основе слова «Jugend» лежит древнее индоевропейское существительное «*juḡen» – «молодой». Прилагательное «jung» выступает в качестве оппозиции к слову «alt» и в прямом значении выражает семы – «свежий, новый, незрелый, недобродивший, неопытный», в переносном – «последний, поздний» [11, с. 374]. В современном немецком языке слово «jung» имеет значения: «(о людях, животных, растениях) имеющих небольшой возраст; находящихся ещё в развитии или в конце развития», «(по сравнению с другими) имеющий незначительное число лет жизни», «вид, поведение, действие, основу которых составляет настроение ещё не среднего или старшего возраста людей», «вести себя как молодой», «ещё не долго, но только недавно существующий,

состоящий», «ещё недавно прошедший; только что гладко прошедший» [10, с. 947].

Слово «молода» образовано от имени прилагательного «молодой», встречающегося в украинском – «молодий», белорусском – «молоды», старославянском – «МЛАДЪ», болгарском – «млад», сербохорватском – «млâд», словенском – «mlâd», чешском, словацком – «mladý», польском – «młody», верхнелужицком, нижнелужицком – «młody». Родственно древнепрусскому «malodai» – «отрок», «maldian» – «жеребёнок», «maldûnin» – «молодость», древнеиндийском «mṛdúṣ» – «мягкий, нежный, кроткий», греческом «ἀμαλδύω» – «размягчаю, ослабляю», латинском «mollis» – «мягкий», армянском «meġk» – «изнеженный, вялый, слабый», древнеирладском «meldach» – «мягкий, нежный, приятный», готском «gamahteins» – «растворение», древнеанглийском «meltan» – «плавить, растоплять» [9, с. 643–644].

В современном русском языке лексема «молодой» эксплицирует значения: «имеющий немного лет отроду; юного возраста», «существующий с недавних пор, немного времени», «разговорное: (с инфинитивом или союзом «чтобы») слишком юный для чего-нибудь, непригодный к чему-нибудь по своей юности, незрелости», «недавно родившийся, только что появившийся», «недавно приготовленный и потому не имеющий ещё крепости, остроты (о напитках, кушаньях)», «свойственный, присущий молодости, молодым людям, с нерастраченными жизненными силами», «историческое: составная часть названия некоторых общественных и литературных революционно-демократических течений, стремившихся к политическому и культурному обновлению», «разговорное: лицо, недавно вступившее в брак» [8, с. 248–249].

Таким образом, в семантическом аспекте мы наблюдаем сходный момент у слов «jung» и «молода» – «юный возраст», «недавно появившийся».

Согласно этимологическому анализу лексем «alt» и «старый», наблюдается общее значение: «немолодой, пожилой возраст», «давно существующий».

Сравним лексические единицы «trauriges Gespann» и «беда».

Имя прилагательное «traurig» восходит к глаголу «trauern», употреблявшегося в средневерхненемецком – «trūren», древневерхненемецком – «trūgēn», нидерландском – «treuren» (немецкое заимствование). Связан с готским «driusan» – «падать», древнеанглийским «dreosan» – «падать вниз» и древнеанглийским «drūsian» – «опускаться; стать вялым, истощённым». Таким образом, значение «опустить голову» или «опустить глаза» выступало в качестве типичного выражения печали на лицах людей. К глаголу «trauern» относилось прилагательное «traurig», обозначающее «наполненный печалью, печальный, грустный, мучительный, плачевный» [11, с. 86]. В настоящее время слово «traurig» имеет значения, а именно: «чувствующий печаль; угасающий, огорчённый, грустный; в подавленном настроении», «вызывающий печаль, горе, грусть; мучительный, достойный сожаления», «жалкий, презренный» [10, с. 1771].

Лексема «das Gespann» была засвидетельствована в немецком языке в XVI веке, основу которой составлял глагол «spannen», и служила обозначением «телеги, запряжённой во вьючных животных» [11, с. 272]. В современном немецком языке слово «das Gespann» отражает семы: «упряжка (лошадей)», «телега с запряжёнными вьючными животными», «пара людей, связанная друг с другом определённым образом жизни», «брус для каркаса дома» [10, с. 714]. По В. Д. Девкину, лексема «das Gespann» означает: «парочка (о приятелях, партнёрах, супругах), «с прицепом» [4, с. 258].

В немецкой культуре упряжка – атрибут крестьянского быта и представляет собой телегу, запряжённую во вьючное животное, с хомутом, оголовком, гужами, деревянными клешнями и выступает как символ обузы, бремени, гнёта.

Следовательно, словосочетание «trauriges Gespann» выражает представление о семейной жизни как о тяжёлом совместном труде.

Русское слово «беда» имеет соответствия в ряде славянских языков: украинский – «біда», старославянский – «БѢДА», болгарский – «беда», сербохорватский – «бијѐда», чешский «bída» – «беда», «несчастье», древнепольский «biada» – «беда», верхнелужицкий, нижнелужицкий «běda» – «беда»; балтийских языков: литовский «bėda» – «беда», латышский «bēda» – «забота, горе», албанский «bē» – «клятва, присяга» [4, с. 142]. В современном русском языке лексема «беда» понимается как: «несчастный случай, несчастье, горе», «разговорное: что-нибудь плохое, печальное, затруднительное» [8, с. 100].

В славянской мифологии беда связывалась с присутствием дьявола, сатаны – противники Бога. В средневековом южнославянском и русском апокрифе «Сказание о Тивериадском море» Тивериадское озеро представлено как первичный безбрежный океан. Бог опускается по воздуху на море и видит дьявола, плавающего в облике гоголя. Сатана называет себя богом, но признаёт истинного Бога «господом над господами». Бог велит ему нырнуть на дно, вынести песок и кремень. Песок Бог рассыпал по морю, создав землю, кремень же разломил, правую часть оставил у себя, левую отдал дьяволу. Ударяя посохом о кремень, Бог создал ангелов и архангелов. Сатана же создал своё бесовское воинство.

Продолжением дуалистических космогоний с участием дьявола являются антропогонистические мифы. Древнейший из них пересказан в «Повести временных лет»: волхвы поведали о том, как Бог мылся в бане, вспотел и отёрся «ветошкой», которую сбросил с небес на землю. Сатана стал спорить с Богом, кому из неё сотворить человека (сам он сотворил тело, Бог вложил душу). С тех пор тело остаётся в земле, душа после смерти отправляется к Богу. В позднейших восточнославянских и болгарских вариантах творение человека более приближено к ветхозаветному мифу: Бог создаёт человека из глины и

уходит на небо за душой, оставляя сторожем собаку, ещё не имевшую шкуры; сатана соблазняет собаку шубой или хлебом (усыпляет холодом) и оплёвывает человека. По возвращении Бог выворачивает своё творение наизнанку – из-за оплётанных внутренностей человек становится подверженным болезням. По другим вариантам, дьявол истыкал человека пальцем, чтобы душа в нём не держалась; Бог заткнул все отверстия травами, кроме одного, из которого исходит душа со смертью (болгары); дьявол тщится создать человека, подобного сотворённому Богу, но у него получается волк, которого оживляет Бог (волк откусывает дьяволу часть ноги, поэтому он хром). Такими же неудачами завершается подражание в творении овса – дьявол сеет сорняки; вместо коровы у него выходит коза. В русских преданиях сатана насаждает яблоню – древо познания, осину (на которой повесился Иуда), хмель, чтобы искушать человека.

В русских легендах сатана претендует на власть над людьми: ведь они сотворены из земли, добытой им со дна океана. Он получает власть над мёртвыми людьми, поэтому они должны были пребывать в преисподней – аду до сошествия в ад Христа [5, с. 38–58; 7, с. 51–87].

Сатана создаёт обстоятельства, которые нарушают привычную жизнь людей и приносят беды. Беда вводит в состояние горя, жгучей печали, грызущей грусти, истощающей тоски, давящей муки и утомляющей скуки, нанося вред и порождая грех [6, с. 30–31].

Следовательно, слово «беда» в русской ментальности олицетворяет страдание.

Итак, словосочетание «*trauriges Gespann*» и лексему «беда» сближает значение «эмоционально-нравственное изнурение молодой жены, сложившейся неравной возрастной разницей с мужем».

Паремии «*Junge Frau und alter Mann ist ein trauriges Gespann*» и «Видима беда, что у старого жена молода» символизируют разницу в возрасте между мужем и женой, утрату свободы молодой девушкой.

Однако в немецкой фразеологической картине мира молодая жена уподобляется упряжке, которая тянет тяжёлый груз, то есть участвует в семейной жизни. В русской – молодая жена наделяется болезненным состоянием духа, связанным с представлением о тяжёлом браке и вызываемыми этим тяготами.

Заключение

Таким образом, при сопоставлении немецких и русских паремиологических единиц, эксплицирующих возрастную ценз брачных отношений в рамках сравнительного этнолингвистического аспекта, было выяснено и доказано, что система вербальных значений соотносится с этнокультурной компетенцией носителей языка, концептуальное наполнение которой является одной из определяющих черт менталитета народа, поскольку именно в языке, в системе характерных для него стереотипов, образов, эталонов репрезентированы мировидение и миропонимание носителей языка, осознаваемые ими в контексте этнокультурных традиций.

Список литературы:

1. Беляевская Е. Г. Концептуальные основания семантики и «внутренняя форма» языковых единиц // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: сб. науч. тр. 2007. С. 307–315.
2. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик. 2007. 600 с.
3. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур. 2007. 520 с.
4. Девкин В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики DJVU. М.: Русский язык. 1994. 1785 с.
5. Димитрова-Маринова Д. Богомилская космогония в древнеславянской литературной традиции // От бытия к Исходу. Отражение

Евразийский филологический вестник. 2024. Вып. 4 (8). С. 115-126.

библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре. М.: 1998. С. 38–58.

6. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. С.-Петербург: Златоуст, 2014. 592 с.; Т. 2. С.-Петербург: Златоуст, 2014. 592 с.

7. Кузнецова В. С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 1998. 250 с.

8. Ушаков Д. И. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: ТЕРРА. 1996. Т.1. 824 с. Т. 2, 520 с. Т. 3, 712 с. Т. 4, 752 с.

9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Астрель: АСТ. Т. 1, 2004. 588 с. Т. 2, 2009. 671 с. Т. 3, 2007. 830 с. Т. 4, 2009. 860 с. 2949 с.

10. Duden C. Deutsche Universalwörterbuch. Mannheim. Zürich. 2011. 2112 s.

11. Duden C. Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim. Zürich. 2007. 960 s.

12. Explication of the national value parameter in paremiological units / Rudneva N. I., Shimko E. A., Korotkova G. V. // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. 9 (1). S. 3852–3856.

13. Innovative technologies in Romano-Germanic philology research (the case of lexical-semantic explication of German and Russian nominations «husband», «spouse») / Shimko E. A., Korotkova G. V., Rudneva N. I., Yashina E. A. // E3S Web of Conferences. 2020. 210 s.

References:

1. Belyaevskaya E. G. Konceptual'nye osnovaniya semantiki i «vnutrennyaya forma» yazykovykh edinic // Problemy predstavleniya (reprezentacii) v yazyke. Tipy i formaty znaniy: sb. nauch. tr. 2007. S. 307–315.

2. Berezovich E. L. Yazyk i tradicionnaya kul'tura: Etnolingvistichekije issledovaniya. M.: Indrik. 2007. 600 s.
3. Bragina N. G. Pamyat' v yazyke i kul'ture. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur. 2007. 520 s.
4. Devkin V. D. Nemecko-russkij slovar' razgovornoj leksiki DJVU. M.: Russkij yazyk. 1994. 1785 s.
5. Dimitrova-Marinova D. Bogomil'skaya kosmogoniya v drevneslavyanskoj literaturnoj tradicii // Ot bytiya k Iskhodu. Otrazhenie biblejskih syuzhetov v slavyanskoj i evrejskoj narodnoj kul'ture. M.: 1998. S. 38–58.
6. Kolesov V. V., Kolesova D. V., Haritonov A. A. Slovar' russkoj mental'nosti. V 2 t. T. 1, S.-Peterburg: Zlatoust, 2014. 592 s.; T. 2, S.-Peterburg: Zlatoust, 2014. 592 s.
7. Kuznecova V. S. Dualisticheskie legendy o sotvorenii mira v vostochnoslavyanskoj fol'klornoj tradicii. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. 1998. 250 s.
8. Ushakov D. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: V 4 t. M.: TERRA. 1996. T. 1, 824 s. T. 2, 520 s. T. 3, 712 s. T. 4, 752 s.
9. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t. M.: Astrel': AST. T. 1, 2004. 588 s. T. 2, 2009. 671 s. T. 3, 2007. 830 s. T. 4, 2009. 860 s. 2949 s.
10. Duden C. Deutsche Universalwörterbuch. Mannheim. Zürich. 2011. 2112 s.
11. Duden C. Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim. Zürich. 2007. 960 s.
12. Explication of the national value parameter in paremiological units / Rudneva N. I., Shimko E. A., Korotkova G. V. // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. 9 (1). S. 3852–3856.
13. Innovative technologies in Romano-Germanic philology research (the case of lexical-semantic explication of German and Russian nominations «husband», «spouse») / Shimko E. A., Korotkova G. V., Rudneva N. I., Yashina E. A. // E3S Web of Conferences. 2020. 210 s.

Информация об авторе:

Е. А. Шимко – доктор филологических наук, доцент, Институт экономики и управления, Мичуринский государственный аграрный университет

Information about the author:

E. A. Shimko – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor, Institute of Economics and Management, Michurinsk State Agrarian University

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.11.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 10.12.2024.

The article was published 12.11.2024; approved after reviewing 05.12.2024; accepted for publication 10.12.2024.